

Михаил Николаевич, вы еще не устали шутить?

— Устал, конечно. А еще больше устал от мысли, что не могу представить себя семидесятилетним, стоящим у микрофона.

— И что же вы планируете делать?

— Планов у меня — громадье. Но не хватает, видимо, способностей это реализовать. Я мог бы сказать, что не хватает времени, как говорят многие не очень талантливые люди, но это было бы неправдой... Я бы хотел заняться серьезной литературой — мне кажется, у меня есть к этому некоторые склонности. К сожалению, пока не могу на этом сконцентрироваться. Виной тому, наверное, «желтый дьявол». Он сказал мне: «Иди выступай, и я буду тебе платить за это». А я поддался. Но, как Фауст, мечтаю освободиться от гнета Мефистофеля. Хотя играть с ним в поддавки никому не удавалось.

— Какие еще качества вам не нравятся в Михаиле Задорнове?

— Пижонство. Это, знаете ли, дорого обходится — носить костюмы за бешеные деньги. Не нравится тщеславие. Противна излишняя болтливость и хвастливость — все мои неприятности в жизни из-за собственного языка. Есть еще слабость, некоторые из которых уже удалось победить. Например, я был пылким алкоголиком, и к 21 году отец даже вынужден был меня лечить. Вылечился. Семь лет не пил, а потом снова «развязал». Я, как русский человек, не мог пить по рюмочке — пил много и долго. Сейчас спиртное не употребляю — победил себя без всякого лечения. Бросил курить. Еще что-то бросил. Надеюсь, что с остальными слабостями я тоже справлюсь. А вот тог-

— В свое время вашим партнером на корте был даже сам Борис Ельцин...

— У него хорошее чувство юмора. Он интересно рассказывал анекдоты. Помню, в одном было неприличное слово и он его заменил. Это было так трогательно. Он вообще ругательные слова не употребляет. Хотя, думаю, для управления страной этого мало.

— А сами матом ругаетесь?

— В мужской компании — да. Иногда и в женской. Некоторым дамам нравится, это их слегка возбуждает. Есть люди, которые очень красиво матерятся, но я, к сожалению, к ним не отношусь. Вообще в Москве если ты не ругаешься матом, то ты не интеллигентный человек. Для всей тусовки псевдоинтеллигентов мат — это высший флер.

— Кто из коллег по цеху вызывает здоровое чувство зависти?

— Жванецкий своей литературной строчкой. Арканов умением анализировать с юмором человеческую тоску, Горин способностью находить смешные ситуации, новые приемы и как драматург. Измайлов веселостью, непосредственностью. Трушкин ироничностью и народностью. Коклюшкин необычайной качественной плодовитостью... У каждого есть то, чему я могу позавидовать.

— А они, скорее всего, могут позавидовать вам — вряд ли среди сатириков сегодня найдется человек, гастролирующий больше вас. Скажите на милость, с чего бы это?

— Мне гастроль, как ни странно, помогают сохранять силы. У меня с залом идет энергообмен. Кроме того, гастроль — это заработок, что немаловажно. Потом поездки — это еще и наблюдения жизни. В Москве я нервничаю от всяких несуслазностей. А в поездках освобождаюсь от этого и

Известный сатирик Михаил Задорнов сегодня удручен — большинство из того, над чем он раньше шутил, странным образом сбылось...

Все предсказал: страна разделится, своя валюта, национализм и прочие прелести. И еще одно беспокоит Задорнова — у него создалось ощущение, что наше правительство, не имея своей программы, пользуется его.

А плагиат — это всегда неприятно.

да, возможно, накопится та критическая энергия, которая разразится творческим взрывом — ядерным или ядерным.

— Авторство какой шутки вы хотели бы присвоить?

— Каждый народ имеет то правительство, которое его имеет. Это фраза Кнышева.

— А над вами кто-нибудь шутит?

— Коллеги, наверное... Я не очень люблю, когда надо мной смеются, хотя принимаю это нормально, — стараюсь умом подавлять чувство обиды.

Вообще я заметил в поездках, что у нас возрос градус агрессии. Нашим людям нельзя смотреть американские фильмы. Когда американец видит, как добро с кулаками побеждает зло с кулаками, то воспринимает это нормально. Он сытый, наевшийся в «Макдоналдсе» тупой еды, сам с челюстью вместо мозгов. Добро в фильме победило, и он спокойно засыпает. А наш так не может: если там была какая-то махаловка, наш должен бежать сам махаться. У него темперамент такой. Мы ведь совершенно другие люди — произошли от скифов, от степных людей, у нас это в генетике. Нам нельзя эти фильмы смотреть — мы делаем из них другие выводы...

— Может быть, стоит взглянуть на это попроще, не забывая о таком качестве, как чувство юмора? Или оно даже вам при неприятностях не помогает?

— Иногда я вспоминаю о своем чувстве юмора и пытаюсь заставить себя отнестись к проблеме легко. Но когда это не получается, стараюсь заняться спортом. Он, кстати, приносит больше пользы.

— Если не секрет, какой именно вид?

— Теннис и волейбол, которым я отдаю предпочтение. Когда нет возможности поиграть, просто делаю спортивные пробежки.

не только работаю, но и много читаю, выбираюсь в баньку. У меня загородного дома нет, поэтому я себе и позволяю такой отдых.

— Сколько концертов в день вы можете провести?

— Во времена советской власти я од-

В КГБ были в курсе всех моих дел и потому, когда я остался без работы, с Лубянки позвонили... Я согласился — все-таки хорошая зарплата...

нажды выступил 11 раз за день. Это был предпраздничный день — 7 марта. Я начал в 8 утра в ГАИ, а закончил в полночь на жуткой пьянке на какой-то фабрике. Хуже всего люди

смеются с утра — тем более если это мужики. Так вот в ГАИ я чувствовал себя словно на кладбище. А женщины на фабрике не понимали меня и, кажется, даже выгнали со сцены. Им тогда нужно было, чтоб кто-то пел и они подпевали. В общем, первое и последнее выступления были чудовищными...

— Но провальные концерты случаются и сейчас.

— Бывают тяжелые концерты на уровне провальных. В Уренгое выступал на съезде газпромовцев и высказал свое отношение к плакату «Наш дом Россия». Они замкнулись. Жуткий был концерт. Кто-то из бизнесменов передал, что они хотят расправиться со мной за выступление. Но я, видно, у них не первый стоял на очереди, поэтому пока жив...

— Но ведь популярность иногда помогает — поработать немного лицом, и тут уж тебе и то, и это?..

— И популярность помогает, и лицом приходится пользоваться. Правда, если что-то покупаешь или строителей заказываешь, то, узнав, что это для Задорнова, требуют в два раза больше денег.

— А люди, которых вы смеиваете на концертах, что требуют?

— Обижаются те, у кого не хватает юмора. А еще те, на чьи деньги приезжаешь. Например: «Наш дом Россия», чиновники. Когда не трогаешь

что-то деньги, можешь говорить что хочешь. Правда, изредка можно и о деньгах — у них столько всего нагреблено, что им все до пуговицы.

— А над чем вам проще всего смеяться?

— Я смеюсь над всем, что меня смешит. Никогда не делал специального анализа, будет ли смешно. Не занимался вычислением успеха. Мой сатирический рассказ об улучшении жизни в городах в связи с приездом Горбачева разошелся по всей стране через ксероксы. «Нью-Йорк таймс» написала, что это первый рассказ, где упоминается имя генерального секретаря ЦК КПСС, и сделала вывод — значит, в СССР действительно началась перестройка. И это было верно, поскольку меня не посадили. Потом я даже сделал первую официальную пародию на Горбачева. У меня был рассказ про человека, неграмотно говорящего по-русски, но учащего других. Неожиданно при чтении у меня стали проскальзывать горбачевские нотки. Люди обратили на это внимание, хотя я тогда еще не думал о пародии. А не так давно появился хит «Господин Далуда». Автор взял мою пародию, расчленил, отобрал фразы со вторым смыслом. Там записан мой голос. И женщина какая-то стонет, что, конечно, приятно, но я к этому отношению не имею. А вот деятель, что использовал мой голос, мне даже бутылку не поставил.

— Это обидно. Впрочем, вас обижали и раньше — чего стоит один только уход из «Юности», после которого вы

вынуждены были податься на любительскую сцену...

— Не совсем так. Я возглавлял студенческий театр МАИ. Потом, когда он развалился, перешел в «Юность». Много ездил по стране как журналист, но потом из редакции ушел. И тогда мне позвонили из КГБ и пригласили заняться художественной самодеятельностью в их клубе. Объяснили, что в свою систему вводить не будут и у меня будет одна задача — создание хорошего художественного коллектива. Это предложение поступало и раньше, когда я еще работал в МАИ. Они, естественно, были в курсе всех моих дел и потому, когда я остался без работы, позвонили. Я согласился — все-таки хорошая зарплата. Я там создал самодеятельный театр. Ребята, которые у меня занимались, были одаренные, с хорошей профессиональной памятью. Правда, здесь была своя специфика. Девочка могла сказать, что завтра не сможет прийти, потому что летит в Афганистан. Она была парашютисткой. Или мальчик просил разрешения на репетиции посидеть, потому что целый день ходил. Наверное, за кем-то. Я многое там увидел, о чем как-нибудь хочу снять фильм.

— Где эти люди сейчас?

— К сожалению, не знаю. Наверное, где-нибудь в охране у бизнесменов служат. Но если они сейчас читают это интервью — передаю привет: откликнитесь, ребята...

Ирина ТАГИРОВА.